

18

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Диалект от Распутина
В Иркутске составили словарь знаменитого писателя

В ПРИАНГАРЬЕ вышел электронный словарь «Сибирская Атлантида Валентина Распутина». В него вошли основные слова и словосочетания, услышанные писателем в родных местах. Они размещены в виде цитат из его произведений с комментариями. Цитаты с диалектизмами сопровождаются аудио- и визуальными записями, сделанные директором регионального центра по сохранению русского языка, фольклора и этнографии Галиной Афанасьевой-Медведевой.

Ищешь слово, как соболя

Стихи можно писать и на охоте, а проза — это крепкое сидение за столом и плотная работа в течение нескольких месяцев

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Геннадий Васильев, Красноярск

Писатель Михаил Тарковский — из тех, кто проехал Россию почти насквозь, с запада на восток. Огромную часть пути — за рулем машины. О жизни людей в Сибири, на Дальнем Востоке знает не потому, что читал: он живет в этой среде много лет, в северном поселке Бахта давно стал своим. Эта среда для него — родная. Хотя и столица не чужая: там родился. Потому и вправе судить о сегодняшней стране так, как судит: страстно. Иначе, говорит, ничего не получится.

Есть ли жесткая сцепка?

Недавно с красноярским режиссером-документалистом Александром Калашиниковым вы предприняли длительное путешествие на Дальний Восток. Об этом будет ваш фильм — в чем его идея?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Поддела не показывают, фильм в работе, много говорить о нем не стану. Но идея такая: показать образ России к востоку от Енисея. Если сибиряки еще знают, где расположены Улан-Удэ и Чита, то жители страны по ту сторону Урала имеют самое смутное представление о тех местах. Что такое участок дороги Чита — Хабаровск длиной в 2000 километров, какие там поселки, чем и как живут там люди, да и живут ли или только выживают — это жителям европейской части вовсе непонятно. Приморье, Хабаровский край для них отдельная планета. Фильм создается по следам трилогии «Тойота Креста».

Каковы ваши личные впечатления?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Это не первое мое путешествие, я каждый год эту дорогу прохожу. Что касается Дальнего Востока, Приморья и — еще конкретнее — Владивостока, сейчас государство уделяет серьезное внимание этому региону. Это выражается не только в построенных мостах. В Арсеньеве производят вертолеты, рядом делается многое другое. Хотя мои друзья-журналисты говорят, что пока отток населения на запад продолжается, но все же чувство нужности восточного форпоста у нашего правительства, видимо, обострилось. Хорошо, что федеральные власти наложили свою длань: «Это — наше!»

С другой стороны, если Приморье вниманием не обделено, то Забайкалье, бывшая Читинская область, остается проблемным регионом. Я влюблен в эту землю, и чем труднее там живется людям, тем чаще мне хочется там быть — до слез буквально.

С чем связана такая влюбленность? Личные мотивы?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Никаких личных мотивов, кроме сердечных. Вот и сейчас в начале декабря лечу в Читу презентовать книгу «Полет совы». С чем связана влюбленность — точно не знаю. Такие места, такие расстояния, такие люди живут, а я — не с ними... Как так?!

Фильм получил название «Жесткая сцепка» — существует она в реальности?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Главное — чтобы в тебе сцепки были. Художник склонен к идеализации: во мне есть — и в жизни должна быть. Этот фильм — как раз о том, что сцепка должна быть, независимо от того, как сегодня на самом деле. Можно рассуждать о ее качестве, о том, какой она была в прежние времена, когда эти места осваивались. Одни имена ведь чего стоят: Муравьев-Амурский, Хабаров, дипломат Игнатъев, которому мы обязаны присоединением территории к югу от Хабаровска... В советские времена ощущение единого пространства сохранялось, потом все это рух-

В таежной Бахте писатель и поэт Михаил Тарковский давно стал своим.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА МИХАИЛА ТАРКОВСКОГО

нуло, теперь снова помаленьку восстанавливается. Но это — мои ощущения. Чтобы понять — чувствуют ли это жители, надо с ними разговаривать. Один обитатель Владивостока мне сказал: «Ну что общего между мной и жителем Калининграда?» Все мое естество востало против такого высказывания. Для меня как раз важно осознание: мы все — одна территория.

Жители разных регионов отличаются друг от друга: темпераментом, пристрастиями, характером. Получается, вопрос все-таки не пустой: что нас всех объединяет?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Думаю, осознанное или неосознанное чувство ответственности за общее пространство. Мы погибнем, если этого

Местные сразу приняли?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Приняли нормально. Отношение изменилось, когда стал «не как все», обрел известность, когда стали приезжать разные, скажем так, значительные люди, помогать. Настороженность возникла. Потом, когда началось строительство храма, появился музей промыслов (который до сих пор не удается оформить), мнения разделились пополам. Одни думают: «Что ему надо? Сидел бы тихо». Другие одобряют.

Один знакомый директор совхоза, всю жизнь проживший на земле, однажды меня поразил

Не нужно искать противоречия в исторических фактах — нужно просто любить свою историю. А это огромный труд

не будет. Мне кажется, понимают это все, а вот относятся по-разному. Наверное, задача писателя и состоит в том, чтобы об этом писать. Нашим людям нужно помочь вспомнить, что они — братья.

Это все — мое

С Бахтой похожие чувства связывают или что-то другое?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Бахта — особая история. Но что-то подобное было, когда только приехал. Помню, поехали в другой поселок за бензином, сидим на берегу реки, ждем кого-то. Ходит женщина по берегу, зовет козу: «Белянка, Белянка, Белянка!» Так протяжно... И я понимаю, что я где-то очень далеко и что все это — мое. Другой бы подумал: «Ссылка, тоска...», а у меня — азарт: мое!

Получается, сразу почувствовали себя на месте?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Я до этого ездил в экспедиции, работал на биостанции. Трудно было после экспедиционной жизни. Не было жилья, жил на чердаке у друга. Да и вообще все другое. Но слабость отступить все же переборол. Сегодня не представляю, что было бы, сломайся я в тот момент. Очень меня вдохновлял покос, в нем я увидел символ послушания земле.

Мы нередко мыслим стереотипами. Один из них — «сибирский характер». Как по-вашему, есть такое всеобъемлющее понятие?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Вопрос такой задают часто, приходится думать, чтобы ответить не общей фразой. Для меня это связано, во-первых, с энергией и духом сибирской земли, которая накладывает отпечаток на характер. Во-вторых — с огромностью просторов, когда людей мало и каждый человек становится огромным. Друг живет за тысячу километров, а ты его локоть чувствуешь. В условиях малонаселенности значимость каждого человека возрастает. Мы все друг друга знаем. Я помню все кафешки вдоль трассы до Владивостока. А для многих красноярцев Таймыр — как приусадебный участок. Жители средней России другие, у них нет такого распах.

По-другому не получится

Помимо писательства, вы часто выступаете как общественный деятель. Где граница?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Да нет никакой границы! Такое поведение может быть только естественным, не придуманным, не вычитанным в книжках. В Новосибирске есть писатель, общественный деятель и издатель Николай Александров, мой друг и однокашник по литинституту. Он очень давно показал мне пример как раз такого поведения, когда общественная и литературная деятельность неразделимы. Да много таких примеров. Разве Захар Прилепин не общественный деятель? А актер Николай Бурляев? А возьмите наших, скажем так, оппонентов из либерального лагеря: Дмитрий Быков — разве не общественный деятель?

Недавно прошла презентация вашей новой книги. Как находите время между многочисленными встречами, поездками еще и писать?

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Сейчас, пока идет работа над фильмом, я еще долго буду находиться в Красноярске — это мешает творчеству. Хотя, по большому счету, если ты по правде писатель, должен уметь писать хоть на Луне. Но в городе больше дерготни, больше возможности тебя как-то отвлечь, выдернуть из процесса. Ну как не встретиться с другом? Но и в деревне, случается, отвлекают: приехали мужики с охоты, завалились в три часа ночи: «Давай, вставай быстро!»

Многое из того, о чем вы говорите, описывается одним словом: патриотизм.

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Конечно, для меня это абсолютно живое понятие. В новой книге «Полет совы» я попытался сформулировать — что такое для меня патриотизм. Это всеобъемлющее восприятие России по всем осям, во всех ее ипостасях. Без ампутаций, без расчленения — ведь нельзя ценить только какие-то отдельные периоды истории, зачеркивая значимость других. Не нужно искать противоречия в исторических фактах — нужно просто любить свою историю. И Родину. А это огромный труд. Но только так, по-другому ничего не получится.

P.S.

В 1995 году мне довелось быть в Бахте, хотел познакомиться с вами, нашел дом, но местные сказали, что охотника Тарковского прямо из тайги вертолетом увезли в больницу.

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: Было такое. Непонятная напасть — видимо, спазм сосудов. Две недели боролся. Потом подробно описал это в ранней повести «Шыштындыр». Мне вызвали вертолет, он меня сначала не нашел в тайге, потом все же отыскал. Вывезли в Туруханск, подлечили, вернули в Бахту. Не стану вдаваться в подробности, история давняя. Толстой сказал, что болезнь есть необходимое условие жизни. Меня это сильно встряхнуло, с меня слезла шкура (в прямом смысле — прямо с лица лоскутами). Я все это воспринял как сигнал к тому, что надо серьезно заниматься прозой, а это несовместимо с жизнью охотника-промысловика. На двух стульях не усидишь, слишком они разные, эти занятия, хоть их и роднит процесс добычи — соболя ли, слова. Стихи можно писать на охоте. А проза — это крепкое сидение за столом и очень плотная работа в течение нескольких месяцев. Иначе ничего не получится.